

*А. И. Прохоров**

МИСТИЧЕСКАЯ ГНОСЕОЛОГИЯ И. Г. ШВАРЦА: ПРОЕКТИВНО-ДЕЯТЕЛЬНЫЙ УТИЛИТАРИЗМ**

В статье рассматривается теория познания И. Г. Шварца, согласно которой человеку доступно три вида познания: «любопытное», «приятное» и «полезное». В целом их можно обозначить как рациональное, чувственно-эстетическое и нравственно-мистическое соответственно. Показано, что в основании этой теории лежит три системы предпосылок: теории о промежуточном статусе человеческого существа и о троичной природе личности, а также понимание исторической обусловленности познавательного опыта человечества. Несмотря на тривиальность предпосылок, Шварцу удается произвести их оригинальный синтез, предвосхищающий последующие отдельные направления развития европейской мысли. Во многом это достигается за счет органичного совмещения элементов проективного, деятельного и утилитарного подходов, к которым Шварца подталкивают перипетии его личной ситуации философствования.

Ключевые слова: Шварц, мистицизм, познание, педагогика, личность, исторический процесс.

A. I. Prokhorov

MYSTICAL EPISTEMOLOGY OF J. G. SCHWARZ: THE PROJECTIVE-ACTION UTILITARIANISM

The paper investigates the epistemology of J. G. Schwarz. There are three types of knowledge available to man, which are «the curious», «the pleasant» and «the useful». In common they could be respectively designated as rational, sense-aesthetic and moral-mystical. Inside the core of the theory there are three kinds of systematic presuppositions. The first is the intermediate status of a human being. The second is the ternary nature of a person. The third is the historical conditioning of the humankind knowledge experience. Despite of triviality of the presuppositions, Schwarz succeeded in performance of their original synthesis, which

* Прохоров Александр Иванович, кандидат философских наук, научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта; eisensarg@mail.ru

** Исследование выполнено в Балтийском федеральном университете им. И. Канта за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00214, <https://rscf.ru/project/22-18-00214/>

had anticipated some of the following routes of the European thought. Mainly it was gained due to the organic involvement of elements of projective, actional and utilitarian approaches, which were caused by Schwarz's very specific personal situation of the philosophizing.

Keywords: Schwarz, mysticism, cognition, pedagogy, person, historical process.

Иоганн Георг Шварц (1751–1784)^{*} прожил относительно недолгую жизнь — 33 года, из которых в России провел не более семи лет. За столь краткое время этот амбициозный, талантливый и трудолюбивый человек успел стать экстраординарным профессором немецкого языка (с 1779 г.), чуть позже — ординарным профессором философии (с 1780 г.) в Московском университете, основал «Переводческую семинарию», фактически став первым преподавателем педагогики в России [8, с. 128], а также был самым активным участником книгопечатной и просветительской деятельности знаменитого Н. И. Новикова^{**}.

Активное участие Шварца в тайных обществах масонов и розенкрейцеров уже при жизни бросило тень на его репутацию [16], а впоследствии стало одним из факторов, препятствовавших публикации его наследия, и в наше время обязывает относиться к его идеям с осторожностью. Вместе с тем довольно высокая оценка его роли в процессе формирования российской культуры второй половины XVIII в. и русской философии в целом, данная отдельными крупными авторами, такими как Н. А. Бердяев^{***}, П. Н. Милюков [9, с. 360], А. Валицкий [2, с. 35], вместе с общим признанием положительного значения такого явления, как «московское масонство Екатерининского времени», для последующего развития славянофильства и русского шеллингианства, которое можно найти у Г. Флоровского [13, с. 120] или В. В. Зеньковского [5, с. 102–107], обосновывает историко-философскую необходимость обращения к различным аспектам творчества Шварца.

Помимо этого, следует указать на еще один историко-философский мотив изучения наследия Шварца. Этот человек отнюдь не был революционером в философии, как, например, его старший современник Кант. Он также не был крупным энциклопедистом и систематизатором, как Х. Вольф. Но особая значимость его творческого пути состояла в явлении нового для России типа личности — мыслителя, который не только посвятил всего себя высшим формам познания (каковым в ту эпоху был, положим, Г. Сковорода), но при всей противоречивости своей личности смог утвердиться в качестве профессионального философа на академическом поприще, пользуясь популярностью среди своих учеников.

Письменное наследие Шварца невелико: не считая единственной вышедшей при жизни книги — небольшого учебного пособия^{****}, это конспекты некоторых

* Варианты написания имени в русскоязычных источниках: Иван Григорьевич, Иван Георгиевич, Иван Егорович.

** Основной источник биографических сведений здесь и далее: [15].

*** «Наиболее философским масоном был Шварц, он был, может быть, первым в России философствующим человеком» [1, с. 21].

**** «Начертания первых оснований немецкого слога для употребления в публичных лекциях при Императорском Московском университете» (1780). Описание этого текста см.: [7, с. 318–319].

лекционных курсов, заметки и письма^{*}. Из этих материалов наиболее крупным является подробный конспект курса «О трех познаниях: любопытном, приятном и полезном». Курс состоит из 17 лекций, которые были прочитаны Шварцем на дому для небольшого круга учеников и последователей с 3 сентября 1782 г. по январь 1783 г. В немногочисленных публикациях о Шварце в историко-философской литературе содержание этого курса затрагивается редко [14; 4, с. 60–62]. При этом достаточно обширное (в сравнении с прочими публикациями) описание курса попало в статью о Шварце в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей Императорского Московского университета», который по ряду причин на долгие годы стал главным, а иногда даже единственным источником информации о Шварце и его философии [15, с. 594–597]. К сожалению, имеющиеся исследования дают только общее описание, почти не прослеживая истоки и следствия этой теории, а также не вскрывая ее связей с другими концептуальными элементами, принципиальными для реконструкции целостной картины философского мировоззрения Шварца, которое определяло его преподавательские методы и общественную деятельность. Между тем курс «О трех познаниях», прочитанный в последние годы жизни Шварца, представляет собой наиболее зрелое и концентрированное изложение его философских взглядов, в котором находят выражение не только общие мировоззренческие установки масонства и розенкрейцерства, но и уникальный личный научно-познавательный опыт, связанный с академической практикой преподавания иностранного (немецкого) языка, искусства перевода, педагогики и философии [12].

В первой лекции (3 сентября 1782 г.) Шварц определяет, что человеку доступны три вида познания: «любопытное», «приятное» и «полезное» [17, с. 3]. В последующих лекциях курса, постепенно разрабатывая понятия каждого из видов познания и соотнося их с общими положениями предлагаемой им антропологии и метафизики, он приходит к иным наименованиям, более строгим, но сохраняющим, однако, тождество с изначальным различием, — и называет эти виды познания «историческое», «техническое, или художественное» и «живое» соответственно [17, с. 21].

Первый вид познания — *любопытное*, оно «питает наш разум, но не есть необходимо для пользы вечной будущей жизни или спокойствия духа» [17, с. 3]. По приводимым примерам («от чего гром?», «что такое воздух?», «каким образом земля производит растения?») можно заключить, что из такого вида познания, которое свойственно даже ребенку, постепенно вырастает все эмпирическое знание как отдельно взятого человека, так и любого человеческого общества. Благодаря этому виду познания происходит становление естественных и прикладных наук, которые во времена Шварца стремительно наращивали свой авторитет. Шварц не отрицает, что это познание чем-то полезно: оно, например, способно «питать разум», т. е. обеспечивать его существование и некоторое развитие, но все же для Шварца несомненно, что чрезмерное увлечение этим аспектом познавательной деятельности может быть даже вредно, если вытеснит внимание к духовно-нравственным вопросам.

^{*} Обзор наследия, история публикаций, рецепция в историко-философской литературе см.: [11].

Рациональный (разумный) характер этого вида познания позволяет Шварцу позже назвать его «историческим»: знания такого рода могут быть рационализированы, формализованы, а следовательно, записаны, сохранены и переданы другим людям, в т. ч. другим поколениям, обеспечивая кумулятивный процесс развития коллективного опыта и наук. Такое истолкование позволяет объединить в одну подчиненную подгруппу познания «нравственные», «физические» и «метафизические» [17, с. 21], поскольку имеется в виду только накопление рационализированной информации о каждой из указанных областей человеческого опыта.

Второй вид познания — *приятное*. Оно «удовлетворяет наш слух, наше зрение и **воображением** питает разум» [17, с. 3]. Шварц сразу приводит примеры: «живопись, стихотворство, музыка». Позже, когда он называет этот вид познания уже «техническим» и «художническим», он просто поясняет, что имеет в виду научение разным видам искусств. Шварц некоторым образом предчувствует то смещение смысла понятия *эстетики* от теории форм чувственности к учению о прекрасном, которое примерно в это же время уже происходит в философии Канта^{*}. Как педагог, Шварц прекрасно понимает, что эта форма познания требует принципиально иного научения, которое выходит за рамки чисто теоретического уразумения (нельзя, например, научиться играть на музыкальном инструменте «теоретически»). Этот тип познания индивидуален и в этом смысле не обладает такими же возможностями хранения и передачи, как плоды «любопытного» познания. Но и этот вид познания не выставляется Шварцем в качестве лишнего или безусловно вредного. Более того, оно так же дает «питание» разуму, посредством силы воображения устанавливая связь между ним и ощущениями.

Наконец, третий вид познания — *полезное и необходимое*. Так Шварц называет только такое познание, которое «научает нас истинной любви, молитве и стремлению духа к высшим понятиям» [17, с. 3]. Чтобы запустить процесс «полезного познания», человек должен «обратиться на самого себя» и *усмотреть* внутреннюю силу, мотивирующую его действия. Тот смысл, который в данном случае вкладывается Шварцем в ключевое понятие «польза», был установлен еще при определении любопытного познания: это то, что существенно для вечной будущей жизни или для спокойствия духа, которое, по всей видимости, также выступает одним из подготовительных условий этой вечной жизни. Последующий ход лекционного курса практически полностью посвящен раскрытию этого типа познания.

Определенность, различение, распределение приоритетности, а также возможное взаимодействие между тремя типами познания в теории Шварца мотивированы тремя уровнями вполне реконструируемых предпосылок.

(1) Человек обладает исключительным статусом промежуточного существа, через которое в тварном бытии осуществляется связь между миром духов и природой, органической и неорганической [17, с. 8–11]. Для осуществления такой связи человек наделен всеми необходимыми свойствами и способностями,

^{*} К моменту появления лекций Шварца «Критика чистого разума» (1781) уже опубликована, а «Критика способности суждения» (1790) — еще нет.

к которым относятся и свойственные ему типы познания. Один из аргументов Шварца заключается в том, что желания человека неограниченны, т. е. никогда не могут быть исчерпаны в рамках наличной материальной действительности и, следовательно, простираются в область невидимую, духовную [17, с. 11].

(2) Человеческая природа имеет троичную структуру (тело, душа, дух), изначально устроенную вполне гармонически, но вследствие грехопадения поврежденную и деформированную, — душа, которая призвана быть внутренним связующим звеном между телом (материальное начало) и духом (духовное начало), склоняется в сторону материального начала как нижнего и темного полюса мироздания. Такое смещение баланса, в частности, приводит к тому, что первые два типа познания даются человеку намного легче, часто увлекая его до такой степени, что происходит забвение наиболее важного познания третьего типа, «полезного» и «живого». Согласно Шварцу, итог такой деформации вполне наблюдаем: «Проходя историю жизни человеческой, можно заметить, что преподаваемые науки без христианства во зло и смертный яд обращаются» [17, с. 41].

(3) Актуальные возможности человеческих познаний исторически обусловлены. Согласно одному из базовых мистических принципов, который Шварц полностью разделяет, «что вверху, то и внизу» [18, с. 95]: строение созданного Богом материального мира вполне отображает устройство мира духовного. Наличное природно-социальное бытие организовано так, что человек постепенно сам должен переходить от «любопытного» и «приятного» познаний к «полезному». Такую функцию разумного мироустройства Шварц называет «внешним откровением» [17, с. 33–34]. Священные тексты и яркие примеры религиозного подвижничества также относятся к «внешнему откровению». Потенциально человек способен путем рационально-чувственных форм познания на определенном этапе их количественного накопления подойти к качественному скачку, обратившись к поиску высшей истины, заключенной внутри него. Однако на практике этого почти не происходит. В ходе человеческой истории, когда непрестанно «убийство и хищения владычествовали над благонаравием и мудростью» [19, с. 93], ценнейшие духовные познания, с большим трудом накопленные и проверенные, были рассеяны или бесследно утрачены. Таким образом, исторический процесс, выражающийся в конечном счете как ограниченная память человечества о взаимодействии с духовной реальностью, развивается как некая результирующая двух противоборствующих сил — «внешнего откровения» и своего рода забвения, вызываемого тем, что искаженная сущность человека начинает форматировать действительность исходя из своих ограниченных возможностей и интересов. Обретение того объема знаний, который будет достаточным для обращения к духовной реальности, что было бы равнозначно восстановлению баланса троичной человеческой сущности, становится практически невозможным. Ситуация усугубляется тем, что деформированная человеческая сущность, обращаясь к «любопытному» познанию, сталкивается с таким объемом сведений, который с течением времени стал неохватен для единичного познающего субъекта. Тем самым человек рискует всю жизнь посвятить только двум первым типам познания, так никогда и не подойдя к третьему. В такой ситуации остается

надеяться только на прямое вмешательство Бога, которое Шварц называет «внутренним откровением»: Бог входит в сердце человека подобно необъяснимому чувству и «Сам научает его истине» [17, с. 33]. С этого момента человек целенаправленно обращается к «полезному» познанию.

Результат «полезного» познания не есть знание рациональное (иначе это был бы «любопытный» тип познания). Хотя его промежуточные формы, такие как, например, познание собственных наклонностей и страстей, можно охарактеризовать как некий тип метафизической психологии. Но конечная цель «полезного» познания — обретение внутреннего света, понятие о котором лежит в основе мистики Шварца. Этот исключительно личный опыт не передается дискурсивно, но переживается мистически и затем выражается непосредственным образом во всестороннем преобразовании сущности человека: изменяется его мировоззрение, его поведение, в некоторых пределах — даже его внешность [17, с. 35–41]. После этого восхождение по типам познания разворачивается вспять: «приятное» и «любопытное» познания подчиняются «полезному», следуют за ним — носитель внутреннего света начинает преобразовывать ту действительность, которая его окружает и ранее сама обуславливала его существование.

Все названные предпосылки гносеологического учения Шварца, как и фактическое распределение материала в рамках курса, указывают на то, что задачей лектора было подвести слушателей к осознанию личностной необходимости особого типа самопознания, практикуемого в русле эклектического масонско-розенкрейцеровского мистицизма, которое можно назвать самосозерцанием. Указания на этот факт в общем виде можно найти у исследователей истории российского масонства. Например, Ю. Е. Кондаков находит параллели курсу о трех познаниях в одном из важнейших уставных документов розенкрейцеров — «Градусе Соломоновых наук» [6, с. 122, 226], а Г. В. Вернадский настаивает на соответствии между тремя сменяющимися друг друга типами познания и ступенями посвящения в братство вольных каменщиков [3, с. 157–160]. Однако даже то обстоятельство, что Шварц был активным адептом тайных обществ, не должно препятствовать вычленению культурно-философской значимости его теоретических построений.

В своих лекциях Шварц демонстрирует широкую осведомленность не только в области истории философии и европейского мистицизма, но также знакомство с проблемами современной ему философии: например, в нескольких лекциях он даже занимается истолкованием понятий *a priori* и *a posteriori* [17, с. 52] [18, с. 87]. Но даже при этом его размышления по поводу актуальных на тот момент вопросов метафизики очень далеки по своей глубине от гениального кантовского синтеза: разрешение споров рационализма и сенсуализма о содержании, предпосылках и границах познания производится прежде всего за счет сильного уклона в мистицизм теософского толка.

И все же остановиться на констатации, что Шварц подверстывал теорию сознания под заведомо разработанную идеологию, означало бы упустить ценную философскую составляющую его лекционного курса. Возможность подойти к вычленению этой ценности раскрывается в анализе той ситуации философствования, в которой, с одной стороны, оказался Шварц и которая, с другой стороны, сама мотивирует и формирует его как мыслителя.

Шварц не только преподавал немецкий язык в качестве университетского профессора, он также был основателем собственной «Переводческой семинарии» [15, с. 587–594], где подготовка переводчиков проводилась по методу, разработанному им самим. Этот метод призван был объединить в себе три типа познания: «любопытное» познание реализовывалось в изучении грамматики и синтаксиса иностранного языка, «приятное» познание выражалось в развитии вкуса учащихся благодаря чтению великих произведений литературы и личному взаимодействию с подлинной красотой слова, а «полезное» познание получало пищу в духовно-нравственных беседах в обстановке гармонично и аскетически организованного быта. Тем самым Шварцу, в отличие от многих философов, посветивших себя исключительно теоретическому созерцанию, удалось воплотить свое учение в жизнь. Более того, обращение к воспоминаниям о личности Шварца как человека, «одаренного железной волей и мощной энергией», «дикого гения» [10], настоящего подвижника, даже фанатика, который не жалел ни сил, ни времени, ни денег на воплощение своих идей, позволяет увидеть, что его лекции о трех познаниях — это своего рода психологическое самоописание или, более точно, *духовное самоистолкование*, выполненное в терминах метафизических, оккультных и алхимических. Можно сказать, что Шварц подходит к построению очень своеобразного феноменологического метода: обращаясь к себе, к своей сокровенной внутренней жизни в рамках «полезного» познания, он приостанавливает значимость мира, данную в формах «любопытного» и «приятного» познаний, и затем пытается экстернализовать дискурсивно невыразимый опыт, соотнося черты своего характера и психологические реакции, т. е. феноменальные слои своей сущности, с той системой философских терминов, которые могут быть разъяснены слушателям и поняты ими. Шварц использует в качестве основания своеобычную для масонов того времени мистику света, однако он делает это не только для снятия проблем, неразрешимых на доступном рациональном уровне. Энергичная природа света переносится им на все типы человеческого существования и становится антропологическим императивом: светлая сущность человека, первоначально покрытая слоями тьмы, может осуществиться, или феноменализироваться, только лишь *деятельно*. При этом Шварц вполне следует аристотелевскому пониманию энергии как чистой деятельности, цель которой лежит в ней самой. У Шварца это достигается за счет радикальной проективности его утилитаризма: Шварц апеллирует к «пользе», но философски, сразу вытесняя цель высшей формы познания за пределы наличного бытия, тем самым делая ее недоступной для двух других форм познания, и располагает ее за последними границами мира — непосредственно в Боге как чистом свете самом по себе. И это в тот же самый момент автоматически помещает внутреннюю цель деятельности в самую сердцевину человеческой сущности, которая сама по себе также есть божественный свет, сокрытый и подлежащий высвобождению. В своем проективном утилитаризме, энергетизме и попытках описывать психологические процессы в натурфилософских терминах, доходящих до алхимизма, Шварц, несомненно, сходит с линии, по которой в его время прогрессировало развитие того типа философии, что уже вскоре будет назван классическим идеализмом. С другой стороны,

он не уходит и слишком далеко. Ведь предлагаемое Шварцем истолкование отношений человека и божественного света, когда этот свет сначала не доступен и может быть предугадан только по косвенным признакам, а после вмешательства Бога становится условием и формой всякого последующего опыта, можно рассматривать как трансцендентно-трансцендентальный сдвиг, представляющий собой не только промежуточную ступень на подступах к философии Канта, но и набросок того будущего пути, по которому впоследствии немецкий идеализм в лице Шеллинга сможет перейти к новому типу натурфилософии. При всем этом Шварц еще более интересен тем, что превосходит философские теории, связанные с практиками переработки личного сознательного опыта, а также берущие в качестве своих оснований понятия энергии и деятельности, которые появятся уже в XX в. и продолжают рождаться в наши дни. Ценность творческого наследия и преподавательского опыта Шварца состоит еще и в том, что его философская программа, разработанная намеренно для соединения с педагогической практикой, позволила ему по-своему выйти на ту классическую парадигму образования, предполагающую важность всестороннего развития личности, попытки урезать которую с целью ускорения и экономии в XX–XXI вв. привели европейскую цивилизацию к катастрофическим последствиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. — Париж: YMCA-Press, 1971. — 260 с.
2. Валицкий А. История русской мысли от просвещения до марксизма. — М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2013. — 480 с.
3. Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. — СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова, 1999. — 576 с.
4. Возчиков В. А. Профессор И. Г. Шварц. Из истории российского образования XVIII века: учебное пособие. — Бийск: РОАК ООП «Общероссийское литературное сообщество», 2017. — 126 с.
5. Зеньковский В. История русской философии. — М.: Академический Проект, Раритет, 2001. — 880 с.
6. Кондаков Ю. Е. Орден золотого и розового креста в России. Теоретический градус соломоновых наук. — СПб.: МП Астерион, 2012. — 616 с.
7. Кривко Т. М. «Начертание первых оснований немецкого слога» И. Г. Шварца и «Сокращённый курс российского слога» В. С. Подшивалова // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». — 2015. — № 1. — С. 317–323.
8. Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. — М.: Типография Грачева и Комп., 1867. — 568 с.
9. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 3. Национализм и общественное мнение. Вып. 2 // Издание редакции журнала «Мир Божий». — СПб.: Типография И. П. Скороходова, 1903. — С. 179–424.
10. Письмо неизвестного лица о Московском масонстве XVIII века. Перевод с немецкой рукописи / пер. Ольги Балашовой [Текст] // Русский архив. — 1874. — I (4). — Стлб. 1031–1042.

11. Прохоров А. И. «Первый философствующий человек в России» // Русская философия. — 2023. — Вып. 1(5) — С. 130–141.
12. Прохоров А. И. Философия языка И. Г. Шварца: сакрализация исторической памяти // Вестник русской христианской гуманитарной академии. — 2022. — Т. 23. № 4. — С. 130–139.
13. Флоровский Г. Протоиерей Георгий Флоровский. Пути русского богословия. — Минск: Из-во Белорусского Экзархата, 2006. — 608 с.
14. Худушина И. Ф. Шварц // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 4. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд. — М.: Мысль, 2010. — С. 377–378.
15. Шварц // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. Ч. II. — М.: Университетская типография, 1855. — С. 574–599.
16. Шварц И. Г. Записка И. Г. Шварца об отношениях к нему И. И. Меллисино // Шварц И. Г. Беседы о возрождении и молитве. Записки. Речи. Материалы для биографии / сост. А. Д. Тюриков. — Донецк: «Вебер» (Донецкое отделение), 2010. — С. 134–145.
17. Шварц И. Г. О трех познаниях: любопытном, приятном и полезном // Лекции / сост. А. Д. Тюриков. — Донецк: «Вебер» (Донецкое отделение), 2008. — С. 3–54.
18. Шварц И. Г. Публичные лекции // Лекции / сост. А. Д. Тюриков. — Донецк: «Вебер» (Донецкое отделение), 2008. — С. 55–96.
19. Шварц И. Г. Речь о способах учения языков // Шварц И. Г. Беседы о возрождении и молитве. Записки. Речи. Материалы для биографии / сост. А. Д. Тюриков. — Донецк: «Вебер» (Донецкое отделение), 2010. — С. 92–96.